

5. Там же. С. 123.
6. Языкознание: большой энциклопедич. слов. М., 1998. С. 413.
7. Galsworthy J. The man of property. М., 1994. P. 13; *The same author*. In chancery. М., 1979. P. 98, 145.
8. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1995. С. 125.
9. Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. М., 1960.
10. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 611.
11. Крысин Л. П. Лексическое заимствование в

русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 30.

12. Левицкий А. Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. Киев, 1998. 279.

13. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков ... С. 632.

14. Коваль О. Междометная реприза или еврейские сценарии речевого поведения. Семантика междометия языка идиш «Feh». URL: <http://www.conf40.htm>

15. Левицкий А. Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка ... С. 218.

L. U. BUYANOVA, A. V. ORDULI. INTERJECTION AS A REPRESENTATION OF EMOTIONS: SEMIOTIC AND PRAGMATIC PARAMETRALITY

The authors of the article consider the problem of interjections as the representation of emotions and define their specificity.

Key words: interjections, emotions, emotive sign, lexical and semantic field of emotivs.

Л. Н. ТРЕТЬЯКОВА

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ВОЕННАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Строя в русле гумбольдтианских идей свой обзор теоретических подходов к рассмотрению языковой картины мира, автор статьи доказывает глубоко этноспецифичный характер процессов, присущих военной концептосфере русского языка.

Ключевые слова: языковая картина мира, военная концептосфера, военная метафора, концепт.

В последнее время внимание лингвистов привлекает военная концептосфера как фрагмент языковой картины мира (Л. Н. Венедиктова, В. Б. Крячко и др.), однако характер взаимоотношенности этих феноменов недостаточно изучен. Поэтому, мы полагаем, необходимо вспомнить учение Вильгельма фон Гумбольдта о внутренней форме языка и обратиться к идеям американцев Сепира и Уорфа о лингвистической относительности. Суть их концепции такова: любой национальный язык несет в себе специфический способ восприятия и понимания мира, все носители данного языка обладают этим особым мировидением окружающей языковой действительности.

Для изучающих военную концептосферу особенно важна «внешняя лингвистика». Она рассматривает соотношения между языком и историческими условиями его существования, учитывает совокупность этнических, социальных, исторических, географических факторов. Например: культура русского народа, его история, обычаи, православная церковная традиция, географическое распространение и межъязыковые контакты – все это оказывает влияние на развитие языка, хотя и является внешним по отношению к собственно языковой системе.

Сам термин *языковая картина мира* (Weltbild der Sprache) введен в научный обиход Л. Вайсбергером в 30-е годы XX века, но истоки этого поня-

тия встречаются в различных работах Вильгельма фон Гумбольдта. Рассматривая соотношение языка и мышления, ученый пришел к выводу о том, что мышление зависит от особенностей каждого конкретного национального (этнического) языка. Установившая характер такой зависимости, Гумбольдт постулировал: язык не просто средство изображения окружающей действительности, а орудие открытия еще не познанного.

Как «орган, формирующий мысль», язык не просто средство общения, а выражение духа и мировидения. Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее: «Языки – это иероглифы, в которые человек заключают мир и свое воображение. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действительных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [1]. Приведем еще одну важную для нас цитату из философско-лингвистического наследия выдающегося немецкого ученого: «Путем того же акта, в силу которого человек выплетает язык из себя, он вплетает себя в этот язык, и всякий язык описывает вокруг нации, к которой он относится, круг, выйти за пределы коего он может лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Изучение чужого языка явля-

ется посему приобретением новой точки зрения в имевшемся до того мировидении» [2].

Соответственно разработанному Гумбольдтом понятию *внутренней формы языка* (Innere Sprachform), язык по самой его природе есть нечто постоянное и, в то же время, преходящее; не мертвый продукт деятельности (Ergon), а сама деятельность (Energia). «Эта деятельность осуществляется постоянным и однородным способом <...> Постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка» [3]. Через внутреннюю форму можно постичь тот специфический путь к выражению мыслей, который выбирает данный язык, а вместе с тем – и нация. «При помощи этой формы язык ведет нацию, одновременно обволакивая и ограничивая ее; с помощью этой формы язык открывает нации мир, примешивая, однако, к цвету предметов и свой собственный цвет» [4]. Благодаря внутренней форме язык хранит для нации «весь ее способ мышления и восприятия, всю массу добытого ею духовно, как ту почву, ступив на которую, ноги обретают крылья и становятся способными к новым порывам, как колею, коя, не сужая принудительно, именно ограничением восхитительно приумножает силу» [5].

Тезис о том, что язык человека представляет собой мир, который расположен посередине между являющимся нам внешним миром, и миром, действующим в нас, превратился в важнейший неогумбольдтовский постулат о языке как промежуточном мире (*Zwischenwelt*).

Ряд идей Гумбольдта, развитых американским этнолингвистом Э. Сепиром и его учеником Б. Уорфом, известен как гипотеза лингвистической относительности, хотя впервые соответствующая идея родилась в трудах американского антрополога Франца Боаса (1858–1942). Будучи выпускником Берлинского университета, он испытал влияние лингвистических воззрений В. фон Гумбольдта и Г. Штейнталя, считавшего, что в языке отражаются культурные и исторические представления того или иного языкового коллектива.

Ф. Боас обосновал следующее положение: язык имеет классифицирующую функцию, так как количество грамматических показателей невелико, а количество обозначаемых языком понятий и явлений неязыковой действительности бесконечно. Следовательно, язык обозначает классы явлений, и эту классификацию явлений каждый язык осуществляет по-своему. В результате Боас пришел к выводу о том, что каждый язык особым образом моделирует единое для всех понятийное пространство, выбирая из него наиболее важные для данной этнокультуры компоненты.

Именно это мы принимаем за основу своего подхода к специфике (модели) русской военной концептосферы.

Вернемся к наследию Эдварда Сепира (1884–1939), учение которого связало американскую лингвистику XX века с немецкой гумбольдтианской. Сепир назвал язык строго организованной системой разнородных единиц, все элементы которой

связаны жесткими иерархическими отношениями. Эти отношения уникальны, как уникален и каждый отдельно взятый язык. Он живет по своим собственным законам, а потому наложить систему одного языка на систему другого, не исказив при этом структурных отношений между компонентами, практически невозможно. Невозможность установления поэлементных соответствий между системами разных народов и понималась Сепиром как лингвистическая относительность. Идее соответствовал термин *несоизмеримость языков*: разные языки не только различным образом фиксируют культурно-исторический опыт народа, но и представляют всем говорящим на этом языке единственные, по сути, пути освоения неязыковой действительности (способы ее восприятия).

По Сепиру, язык и мышление связаны неразрывной нитью, он полагал, что внутреннее содержание всех языков одинаково, а внешняя их форма разнообразна до бесконечности и является воплощением «коллективного искусства мышления».

Переход от одного языка к другому, считает Сепир, психологически подобен «переходу от одной геометрической системы отсчета к другой. Окружающий мир один и тот же для любого языка; мир точек пространства один и тот же для любой системы отсчета. Однако формальные способы обозначения того или иного элемента опыта, равно как той или иной точки пространства, столь различны, что возникающее на их основе ощущение ориентации не может быть тождественно ни для произвольной пары языков, ни для произвольной пары систем отсчета. В каждом случае необходимо производить совершенно особую надстройку, и эти различия имеют свои психологические корреляты» [6]. Сепир дает понять, что окружающий мир, представленный средствами того или иного языка, один и тот же, что все языки способны выполнять символическую и смысловую функцию, но «формальная техника выполнения этой функции есть сокровенная тайна каждого языка».

Ученый подчеркнул важную роль языка в научном изучении культуры: система культурных стереотипов любой цивилизации упорядочивается с помощью языка.

Язык выступает не только как средство для понимания и изучения культуры, но и как путеводная нить (ориентир) в социальной действительности – влияет на наше представление о социальных процессах и проблемах. Таким образом, люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать. В значительной степени они все находятся во власти того конкретного языка, который обслуживает данное общество. Иллюзорно мнение о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка: язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации. В действительности же «реальный мир» неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. «Миры, в которых живут различные об-

щества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками <...> Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привывчками нашего общества» [7].

Что касается Бенджамина Уорфа (1897–1941), то он первым предложил термин «принцип лингвистической относительности», намеренно используя при этом аналогию с теорией относительности А. Эйнштейна. Уорф делал свои выводы, сравнивая языковую картину мира американских индейцев с языковой картиной мира носителей европейских языков. Он показал принципиальную несхожесть разных языковых картин мира, став родоначальником исследований, посвященных месту и роли языковых метафор в концептуализации действительности. Ученый обратил внимание на то, что переносное значение слова может не только оказывать влияние на то, как функционирует в речи его первоначальное значение, в некоторых ситуациях именно оно определяет поведение носителей языка.

Данный вывод справедлив и в применении к метафорам, на основе которых создаются термины военной концептосферы (*зубки курка, щёчки пулемета*). Уменьшительно-ласкательные формы слов (*зубки, щёчки*) совершенно не фиксируют внимание человека на том, что называются орудия убийства – курок пистолета, пулемет.

В современной лингвистике изучение метафоры оказалось весьма актуальным и продуктивным: метафора предстала явлением более сложным, чем это казалось ранее. Она пронизывает не только язык и культуру, но и всю жизнь. Необходимо сослаться в первую очередь на исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона, убедительно показавших, что языковые метафоры не только украшают поэтический язык, но и структурируют наше обыденное мышление. Сегодня мы говорим о *когнитивной теории метафоры*, которая получила широкую известность и за пределами собственно лингвистики. В книге «Метафоры, которыми мы живем» (она была признана «библией когнитивного подхода») ученые обосновали точку зрения, согласно которой метафора выступает как важнейший механизм освоения мира человеческим мышлением. Говоря о роли метафоры в формировании понятийной системы и структуры естественного языка, они первыми обратили внимание на военную концептосферу, заявив, что в обыденной жизни мы мыслим в терминах войны: «Спор – это война!» [8].

В более поздних исследованиях получила развитие гипотеза о том, что метафора влияет на процесс принятия носителями языка тех или иных решений. Как правило, человек видит именно те альтернативы, которые совместимы с данной метафорой. Выбор конкретной метафорической модели формирует (навязывает) спектр подходов к разрешению проблемной ситуации: *дипломатические войны, бумажная война, мусорная война* (так назывались споры вокруг проблемы с вывозом мусора в Неаполе), *дачная война, садовая вой-*

на (борьба за лишние метры земли), *офисные войны* (словосочетание из названия статьи «Офисные войны: как их избежать») [9].

Так, метафоры «битва» и «война» предполагают агрессивный метод борьбы за окружающую природу, за культуру города. Приведем примеры из «Международного ежемесячника» за 2009 год: «*Битва за Сочи*». *Как спасти природу и людей от последствий олимпийского строительства; «Битва под тисом*». *Таня Склярлова отстояла свой тис ценой десятидневной голодовки; «Война в московском дворике*». *Кто пытается уничтожить столичный «Монмартр»* (имеется в виду усадебный дворик XVIII века на Пречистенке).

Доказано, что в периоды общественно-политических и экономических кризисов частотность употребления подобных метафор в речи заметно возрастает. Изучая использование «военной» политической метафоры в российском политическом дискурсе времен распада Советского Союза, мы обнаружили, что кривая частоты употребления военных метафор (из газет: *битва за кости, колбасная война*) и их новизны коррелирует с периодами социальных и политических перемен.

Современные лингвисты – последователи Уорфа, используют принцип лингвистической относительности применительно к изучению языковых метафор. Это, в частности, позволяет выяснить, в какой степени военные метафоры выражают культурные предпочтения данного социума и соответственно – определенную языковую картину мира.

Следует отметить, что гипотеза Сепира-Уорфа, получила актуальное звучание и существенным образом дополнена в работах Д. Олфорда, Дж. Кэррола, Д. Хаймса. Немало авторов (Б. А. Серебренников, Д. Додд, Г. В. Колшанский, Р. М. Уайт, Р. М. Фрумкина, Э. Холленштайн) подвергли ее резкой критике; тем не менее, к ней продолжали обращаться ученые, занимающиеся проблемой взаимоотношения языка и культуры, языка и мышления (например, школа Н. И. Толстого).

Гипотеза получила поддержку и развитие в трудах Йоханна Лео Вайсгербера (1899–1985), который и ввел в научный оборот понятие «языковая картина мира». С ранних своих работ он рассматривал родной язык (*Muttersprache*) как средство самопознания человеческого духа, многоликое зеркало исторической жизни того или иного народа. В ряде случаев язык трактуется им как *сотворец* истории, медиум духовной культуры. В статье «Связь между родным языком, мышлением и действием» (1930) он писал, что в словарный запас конкретного языка включена вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество. По мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами. В этом смысле возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях и формах мышления определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества.

Ученый допускает относительную свободу че-

ловческого сознания от языковой картины мира, но в собственных рамках последней. Своеобразие индивидуума так или иначе ограничено национальной спецификой языковой картины мира: татаро-монгольский воин из Золотой Орды, где общество представляло военную организацию, не может увидеть мир таким, каким увидит его русский воин или американский воин-индеец. Вайсгербер берет картину мира в развитии: язык – это сфера, в которой постоянно происходит освоение человеком окружающего, результат в каждом конкретном языке уникален. В более поздних работах ученый трактует это как процесс *духовного воссоздания мира посредством слова*.

Словарь – отражение языковой картины мира. Ее основу создают прежде всего природа и история. А именно – растительный (*меч-трава, сабельник, шпажник, окопник*) и животный мир (*клоп-солдатик, жук-бомбардир, рыба-меч, рыба-сабля, синица-гренадерка*), а также крупные исторические события (для русской языковой картины мира – Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война).

При изучении военной концептосферы важны методы *полевого исследования* (Вайсгербер и др.) и принцип *взаимного ограничения элементов поля*, который сформулировал Й. Трир. Словесное поле (Wortfeld) – это группа слов, используемых для описания определенной сферы жизни или определенной смысловой, понятийной, сферы. Вайсгербер полагает, что поле существует как единое целое, структура же самого поля определяется семантической структурой конкретного языка, имеющего «свой взгляд на объективный реальный мир». Исходя из этого, он создает классификацию полей.

Покажем ее в качестве примера на конкретном семантическом поле русского языка – семантическом поле глаголов со значением ‘умирать на войне’. Первый круг этого семантического поля – ‘умирать на войне’; второй связан со значениями ‘способ прекращения жизни’: *погибнуть, замерзнуть* и т. д.; третий круг содержит стилистические варианты основного содержания: *сложить голову* (древнейший военный русский фразеологизм), *пасть на поле боя* (для высокого стиля).

Для Вайсгербера был чрезвычайно важен «концепт языка как промежуточного мира», первый шаг к обоснованию наличия которого – наблюдение за миром звезд (объективно существующей реальностью). Он отмечает, что звездное небо делится на созвездия по-разному: греческим 48 созвездиям соответствуют 283 созвездия китайских астрономов. Карты видимых с земли небесных тел в разных культурах не совпадают, значит, звезды одного созвездия не связаны между собой ничем, кроме человеческого воображения. Оно порождает между реально существующими звездами и их осознанным бытием для человека некий промежуточный мир, в котором одни и те же звезды соединены в различные системы, не носящие универсального характера.

Применительно к военной концептосфере русского человека можно заметить следующее. Млечный Путь в говорах Пензенской области называется «*дорога Мамая на Русь*»; одно из Юж-

ных созвездий на карте неба носит название *Меч*, существует астероид *Витя Спиридонов*, получивший такое наименование в честь Героя Советского Союза Виктора Спиридонова, воевавшего в Великую Отечественную. Это еще один пример, подтверждающий, что природному миру противостоит определенный духовный промежуточный мир, в различных лингвокультурах представленный по-разному. По оппозиции «человек – окружающая его живая природа» можно показать, что некоторые феномены природы вполне определенно представлены наименованиями, возникшими в нашем языковом сознании. Они представлены такими лексемами, как *меч-трава, солдатская трава* (тысячелистник), *окопник*.

Следующий шаг привел Вайсгербера к радикальному выводу о том, что промежуточный мир родного языка действует в каждом языковом средстве. Рассматривая отношение «человек – человек», ученый дал разбор терминов родства, показывающий их различия не только в разных языках, но и в одном языке в разные периоды его существования; в один исторический период, но в литературном языке и его диалектах.

Возьмем аналог из военной концептосферы. В солдатском жаргоне существуют слова *салага, черпак, сынок, дед* (как разные названия солдата в зависимости от срока его службы). Вайсгербер говорит, что в подобных случаях мы имеем дело с вторжением (Eingreifen) родного языка в наши воззрения (в приведенном примере аналог с наименованием по степени родства: *сынок – дед*). Даже там, где наш личный опыт мог бы показать нам нечто иное, мы остаемся верны тому мировоззрению, которое передано нам родным языком.

Сравнивая собственно языковую и научную картины мира, Вайсгербер утверждает, что они просто не могут не различаться, но предлагает при этом не смотреть на научные понятия как на нечто объективное, ведь их образование часто не обходится без эмоциональной метафоры. Под этот разряд и подпадают, по нашему мнению, такие военные термины, как *щёчки пулемета, губки курка, люлька (у пушки), гривка прицельной планки*.

В отечественной лингвистике проблему языковой картины мира затрагивают Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелев и др. По Ю. Д. Апресяну, главная задача лексикографии состоит в том, чтобы отразить наивную картину мира, запечатленную средствами данного языка. И. И. Богатырева также подчеркивает, что «в настоящее время во многих работах особый акцент ставится на реконструкции именно *цельной* картины мира русского языка» [10]. Однако, мы полагаем, для этого необходимо сначала реконструировать такие ее отдельные фрагменты, как, например, военная концептосфера.

Охарактеризуем направления исследования и приемы, с помощью которых можно решить эту задачу. И прежде всего обратимся к направлению, связанному с изучением и описанием так называемых слов, имеющих достаточно условные или приблизительные аналоги в других языках. Исследователи обнаруживают специфические для данного языка понятия, или *концепты*, являю-

щиеся *ключевыми* для понимания картины мира. Они заключают в себе разного рода стереотипы языкового, национального и культурного сознания (например, чисто русские концепты военной концептосферы: *удаль, отвага, жертвенность, патриотизм* и др.). Часто приходится говорить о специфических коннотациях неспецифических концептов: например, *русская шинель, русский мундир, русские портянки*.

Другой прием реконструкции – анализ метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики, ведь языковая метафора есть один из способов создания картины мира. Один из примеров, показывающих, как в семантике одного абстрактного слова могут сочетаться совершенно разные представления о данном понятии (и особенно наглядно это благодаря иллюстрациям, связанным именно с метафорической сочетаемостью данного слова в русском языке) – концепт «война». В современном русском языке он представлен:

– натурметафорами: *молочная война* (России и Белоруссии), *винная война* (между Россией, Грузией и Молдавией), *тресковая война* (между странами Северной Европы), *устричная война* (акции по спасению устриц), *банановые войны* (между футбольными фанатами), *яичная война* (в Чехии забросали тухлыми яйцами неугодных чиновников), *мучные войны* (народный праздник в Греции);

– метафорами цвета: *оранжевая война* (между Россией и Украиной);

– биологической метафорой: *война полов* (отношения между мужчиной и женщиной), *война нервов, война хромосом* и т. д.

Третий прием – компаративный. В сравнении с другими языками наиболее ярко видна специфика «семантической Вселенной» (выражение А. Вежбицкой). А. Вежбицкая обращает внимание на понятия, являющиеся *ключевыми* для модели одного языкового мира и при этом отсутствующие в другом, и подчеркивает, что есть такие чувства, которые могут быть испытаны только в рамках данного языкового сознания (другому сознанию и менталитету они не могут быть свойственны). Так, русские концепты *удаль, жертвенность* (во имя Родины), не похожи на соответствующие концепты, представленные в англоязычном мире. Для русских «удаль» больше, чем «смелость» и «мужество». Так же как и «жертвенность», «патриотизм», это чувства, сосредоточенные в русской душе.

Исследование лингвоспецифических слов в их взаимосвязях позволяет восстановить существенные фрагменты русской картины мира, которые сформированы системой *ключевых* концептов (*Судьба, Родина*) и связывающих их *ключевых* идей. Развивая подход, предложенный А. А. Зализняком, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелевым [11], мы считаем целесообразным поставить в ряд

ключевых идей следующие сквозные мотивы русской языковой картины мира, отраженные в зеркале военной концептосферы:

– непредсказуемость мира (войны): человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него;

– представление о том, что главное – собраться, подняться всем народом: «*Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!*»;

– идея русской удачи и широты души. Согласно Н. Бердяеву, русская душа сформирована широтой географических пространств; в русском человеке не угасли еще первобытный дионисизм, стихийность. Русский человек склонен к смуте, беспорядкам;

– внимание к нюансам человеческих отношений (любовь и верность на войне, разлука);

– идея правды-справедливости: «*Юноша, одетый в справедливую шинель бойца*» (М. Алигер);

– оппозиция высокое / низкое: *воинский (священный) долг – воинская обязанность; преданность – предательство*;

– убежденность в том, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует: «*Праздник со слезами на глазах*»;

– осуждение ситуаций, в которых человек действует из соображений практической выгоды: «Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью» [12].

Трудно, а часто и невозможно найти полные семантические аналоги этих *ключевых* концептов в других языках. Причем, важно, что в их значениях включены очень существенные для русского языка идеи, воплощенные в значениях многих других слов и выражений. Таким образом, военная концептосфера русского языка глубоко этноспецифична и витальна.

Литература

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 349.
2. Там же. С. 370.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 71.
4. Там же. С. 74.
5. Там же.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 252.
7. Там же. С. 261.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.
9. Сахарова Ю. Офисные войны: как их избежать // МЕТРО. 2011. 27 сент.
10. Богатырева И. И. Языковая картина мира // Филологические науки. 2010. № 2. С. 71.
11. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
12. Бердяев Н. А. Русская идея. М., 2004. С. 70.

L. N. TRETYAKOVA. PROBLEMS OF LINGUOCULTUROLOGY: MILITARY CONCEPTOSPHERE IN RUSSIAN LANGUAGE AND THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The author of the article reviews theoretical approaches to consider the language picture of the world basing on Humboldt's ideas and proves ethno-specific character of the processes that are peculiar to the military conceptosphere in Russian language.

Key words: language picture of the world, military conceptosphere, military metaphor, concept.